

Нлья Шумей

КОМПЕНСАЦИЯ СМЕРТИ

12+

Илья Александрович Шумей
Компенсация смерти
Серия «Хроники Страны Овец»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23327885

SelfPub; 2023

Аннотация

Ценность одной человеческой жизни очень сильно зависит от точки зрения.

Илья Шумей

Компенсация смерти

Поднятая взлетающим транспортом пыль заволокла все вокруг густой рыжей пеленой, проникая даже под маску и противно хрустя на зубах. Рев моторов достиг пика, сопровождаясь стуком мелких камешков по шлему, а потом стал удаляться, превратившись вскоре в далекий ровный гул.

–Ну, что ж, приступим, – майор стряхнул с одежды песок и сухие травинки, – я бы хотел успеть управиться до обеда, так что хватит расслаиваться, курсант. Полезай за пульт и активируй скаутов.

Его более молодой напарник послушно вскарабкался на место оператора и принялся щелкать тумблерами. В глубинах фургона загудела, залязгала машинерия, выдвигая в люк на крыше первого патрульного дрона.

–Смотри сюда, – командир плюхнулся в соседнее кресло и взмахом руки развернул перед собой карту района, – вот наш участок. С востока он граничит с восемнадцатым, там границу соседи караулят, а с севера у нас река, так что под присмотром достаточно держать только южный и западный периметры, – он обвел район патрулирования пальцем в защитной перчатке, – думаю, четырех летунов будет достаточно.

–Ясно, – фургон вздрогнул, когда первый скаут, взыв мо-

торами, сорвался с кронштейна и взмыл в небо. На его место тем временем уже выдвигался следующий.

–Еще один пойдет с нами, будет за окрестностями при-
сматривать.

–Понял.

–Тогда давай, Немезиду в боевое, и поехали. И не забудь свой щит поднять.

–Думаете, такие меры предосторожности необходимы? – скептически заметил юнец, когда машина мягко покатила вперед, на ходу выпуская остальных дронов, – разве стадо перепуганных дикарей может нам всерьез чем-то угрожать?

–Еще как! Хоть они и дикари, а укусить могут и весьма болезненно, – майор проверил собственный щит, – в прошлом году они один из патрулей камнями забросали. Его командир еще любил хорохориться, что, мол, не боится смотреть в лицо опасности и встречает врага «с открытым забралом». И щит снял, и Немезиду не задействовал.

–Чем все закончилось? – парень украдкой глянул на пульт, проверяя, включена ли их охранная система.

–Пришлось ему потом на дурную голову швы накладывать, да еще оборудование попортил. Будет другим наука.

–С чего они на него так взъелись-то?

–А кому понравится, когда кто-то сует нос в его дела?

–Так мы ведь ради их же собственного блага стараемся!

Неужели они не понимают!?

–Понимают? – майор рассмеялся, запрокинув голову, и,

после нескольких секунд молчания, вдруг спросил: – а ты знаешь, почему сломавшую ногу лошадь пристреливают?

–Почему?

–Да потому, что она тупая! Несмотря на боль, эта животи́на будет продолжать пытаться скакать на четырех ногах, не позволяя кости срастись, и, в конечном итоге, все равно падет от воспаления, сепсиса или еще какой дряни, – он махнул рукой за окно, – и здесь то же самое. Если не ограничивать принудительно рождаемость туземцев, то они будут безостановочно плодиться как кролики, пока не передохнут от голода.

–Естественный отбор в действии, – курсант пожал плечами, – зачем вообще вмешиваться?

–Ты наивно полагаешь, что они станут смиренно сидеть на месте и дожидаться конца, когда на севере, по нашу сторону Стены можно найти и кров и еду? – майор снова рассмеялся, – они, конечно, тупые, но не настолько же! Слыхал, на прошлой неделе очередной штурм был?

–Но это же совершенно бессмысленно! Как орда безоружных голодранцев может одолеть хорошо укрепленный и защищенный периметр Стены?

–Безоружных... Ха! Ослепить турели, залепив их грязью, а выбежавших охранников перестрелять. Просто и эффективно. А там уже крюки и лестницы в дело идут. Несколько десятков успело прорваться, пока оперативный наряд подошел.

– Они что, умеют пользоваться *оружием*!? – мальчишка потрясенно вытаращился на командира.

– Никак не пойму, чем с вами вообще в училище занимаются? – горестно вздохнул тот, поправляя бронежилет, – в общем, следы, чтобы щит был постоянно активирован. Края здесь дикие, всякое случается.

Фургон тем временем перевалил через очередной пригорок и впереди показалось небольшое поселение. К немалому удивлению курсанта, среди убогих крытых соломой хижин виднелось и несколько вполне основательных кирпичных строений, на крышах которых кое-где виднелись спутниковые тарелки. Вправо и влево, следуя изгибам речного русла, разбегались поля, жмущиеся к воде и стремящиеся использовать каждую пядь драгоценной плодородной земли. Над грядками, согнувшись живыми вопросительными знаками, трудились изможденные туземцы. Завидев машину, они прекратили работу и вскинули к глазам руки, прикрываясь от палящего солнца, но их спины так и остались согбенными, поскольку за проведенные на полях годы уже разучились распрямляться.

– Почти как люди, – пробормотал курсант.

– Не забивай голову всякой ерундой, – осадил его командир, – нам работу делать надо, а не философствовать тут.

Он активировал сканер, и развернутая перед ними карта запестрела разноцветными точками, основная масса которых сгрудилась в кучу прямо по курсу. Некоторые из точек

двигались.

– Это все окольцованные особи, – пояснил майор, – нас в первую очередь интересуют самки, уже родившие двух или более детенышей. Их следует стерилизовать. Обычно таких две-три каждый год бывает. А потом нужно будет еще отловить и окольцевать молодняк, подросший достаточно для вживления имплантата. Но это уже забота группы, которая прибудет на следующей неделе. Вот им-то побегать придется изрядно, – офицер хохотнул, – ну, тебе задача ясна?

– Так точно! – подобрался курсант. Ему совсем не хотелось провалить свое первое же реальное задание.

Фургон покатился под уклон, и было видно, как испуганные аборигены торопятся поскорее укрыться. На улице суетились женщины, созывающие своих детенышей и загонявшие их по домам. Цветные точки металась по карте, отражая охватившую поселок панику. Создавалось впечатление, что к ним в гости пожаловала не гуманитарная миссия, а стихийное бедствие какое-то.

– А вот и наши клиенты! – майор ткнул пальцем в изображение, подсветив пару точек, – две недавно родивших самки. Одна прямо по курсу, а вот за второй придется сгонять за поля. Давай сперва здесь разберемся. Готовь «тарантула».

Центральная улица поселка встретила их безлюдностью и запустением. Горячий сухой ветер гонял по дороге мелкий мусор и трепал вывешенное на веревках белье. Время от времени то там, то здесь можно было заметить промелькнувшее

в окне лицо, которое немедленно исчезало при приближении фургона.

Сигнал с имплантата привел их к небольшому скособоченному домику, который, казалось, был построен исключительно из хлама, собранного на ближайшей свалке. Подобно лоскутному одеялу, его стены демонстрировали мешанину из листов фанеры, жести и пластика, на которых сквозь облезлую краску кое-где проступали старые логотипы и рекламные слоганы.

–Твой выход, курсант, – майор взмахнул рукой, в которой держал портативный валидатор, – после Вас.

Перехватив поудобней свернувшегося в клубок «тарантула», тот вздохнул и толкнул хлипкую дребезжащую дверь.

В следующее же мгновение на него набросился орущий, молотящий кулаками и царапающийся вихрь. Парня прижали к стене и непрерывно осыпали градом бестолковых, но обильных ударов и шлепков. Из потока визгливых криков транслятор успевал выхватывать отдельные слова вроде «драный башмак» или «отрыжка гиены», которые доходчиво объясняли, что в этом доме думают и об их миссии и о них самих. От неожиданности курсант растерялся и только вжимался в стену, крепко обхватив руками «тарантула» и укрывая прибор от набрасывающейся на него гиперактивной старухи.

Разряд шокера прозвучал как треск разрываемой ткани, и бешеная старушенция вдруг обмякла и осела на пол.

– Не стой столбом, малыш, – майор затолкал оружие в кобуру на поясе, – нас дела ждут.

Он кивком указал на плотную занавеску, закрывавшую проход в соседнюю комнату и, пропустив паренька вперед, вошел следом.

После царящего на улице яркого солнечного света глазам понадобилось некоторое время, чтобы адаптироваться к царящему здесь полумраку. Постепенно из теней проступила убогая обстановка каморки, состоявшая из кровати, маленького столика с негромко зудящим древним пишесинтезатором и подвешенной к потолку люльки. Воздух был пропитан запахами стряпни и немых тел. На табурете подле занавешенного окна сидела молодая девушка, укачивающая на руках младенца, которого, похоже, разбудили вопли бешеной бабки. Пока курсант осматривал помещение, малыш еще пару раз шмыгнул носом и затих. Девушка поднялась, осторожно уложила ребенка в люльку и, не говоря ни слова, легла на кровать, вытянувшись во весь рост и сложив руки на груди.

Курсант был немало обескуражен подобным поведением. Напротив, именно здесь он ожидал наиболее активного сопротивления, но главный рубеж обороны теперь лежал без сознания на полу в прихожей, а сама девушка, по-видимому, уже давно смирилась со своей судьбой.

– Вот и славненько, вот и умничка! – одобрительно заметил майор, увидев вытянувшуюся на кровати молодую мать, и подтолкнул напарника в спину, – давай, работай.

Развертывание и запуск «тарантула» заняли не больше минуты. Помещенная на живот девушки жутковатая конструкция из тонких суставчатых лап с клешнями и захватами вздрогнула и ожила, распрямляя свои конечности и осматривая поле деятельности. Сориентировавшись, прибор приступил к выполнению задачи, сделав первый молниеносный выпад и введя подкожной быстродействующее снотворное. Девушка вздрогнула, но позы не переменила, и вскоре ее глаза закрылись, уступив воздействию лекарства. «Тарантул» же, обосновавшись на ее животе, выдвинул широкую лапу сканера и принялся водить ею в разных направлениях, разведывая обстановку для нанесения главного удара.

Примерно через минуту аппарат, наконец, уяснил ситуацию и распрямил еще две доселе дремавших лапы с массивными иньекторами на концах. Он медленно и аккуратно установил их в расчетные позиции, и усилившееся гудение отметило момент, когда две тонких длинных иглы прямо через одежду вонзились глубоко в тело девушки. Миг – и «тарантул» уже складывался обратно в походное положение. Теперь его пациентка уже никогда не сможет забеременеть и родить детенышей.

Забирая агрегат с недвижимого тела, курсант обнаружил, что не испытывает даже намека на удовлетворение от хорошо сделанной работы, а довольные комментарии майора неприятно резали слух.

–Отлично! – его командир поднес валидатор к запястью

спящей девушки, внося соответствующую запись в ее чип, – осталась еще одна. Шевели ногами, парень, и к обеду мы уже будем на базе!

–К чему такая спешка? – курсант осторожно переступил через старуху, которая так и лежала обездвиженная поперек прохода, бормоча бессвязные проклятия в их адрес.

–У меня знакомая в неприятности вляпалась. Как раз сейчас у нее слушания в суде проходят, и я хотел бы к их завершению закончить все наши дела здесь. Как-никак, у меня отпуск под вопросом.

Судья прервался, дожидаясь, пока перестанет мерцать и стабилизируется проекция одного из присяжных, и вновь повернулся к своей подопечной.

–Итак, подсудимая, Вы подтверждаете, что в Вашем автомобиле на момент аварии не было никаких технических неисправностей, требующих перехода на ручное управление?

–Подтверждаю.

–И система автопилота не просила Вас взять управление на себя?

–Нет.

–Тогда почему Вы все же переключились в ручной режим?

–Я ведь уже говорила, – сидевшая напротив судьи женщина мученически закатила глаза, – мне нравится рулить са-

мой! Люблю я это!

–Для подобных забав существуют специальные трассы, – судья бесцельно переложил с места на место пару листов перед собой, – движение в режиме ручного управления на дорогах общего пользования запрещено. Разве Вы этого не знали?

Судить состоятельного и уважаемого человека – крайне непростое и нервное занятие, а потому он чувствовал себя несколько неуютно. А его сегодняшняя подопечная всем своим поведением демонстрировала свое превосходство, каждым словом и жестом напоминая, насколько выше него в социальной табели о рангах она располагается.

Стройная и изящная, как изваяние гениального скульптора, она держалась гордо и независимо. Ее платье, деловое, неброское, в полном соответствии с требованиями текущей ситуации, тем не менее, аккуратно подчеркивало каждый изгиб ее соблазнительной фигуры. Ухоженные руки, чистое утонченное лицо с чувственным ртом и огромными глазами, волны темных волос, которые визажист укладывал, чуть ли не по одному – все детали ее облика были словно специально сконструированы с тем, чтобы мужской взгляд буквально прилипал к ним, как муха к паутине.

–Эти Ваши полигоны, где несчастные с черепашьей скоростью ползают гуськом друг за другом, – скука смертная! – аккуратный носик брезгливо сморщился, – я же хочу получать от вождения *удовольствие* и имею на это право. Я, в

конец концов, это заслужила!

–Да, но Вы при этом подвергаете опасности жизни других людей. Как пешеходов, так и остальных участников движения!

–Не надо драматизировать, я прекрасно вожу машину и никогда не выпускаю ситуацию из-под контроля.

–Тем не менее, Ваша последняя подобная поездка закончилась трагедией.

–Такое иногда происходит, когда люди очертя голову под колеса бросаются. Он сам виноват.

–Анализ телеметрии показывает, – судья был рад возможности переключить внимание на документы, которые подал ему робосекретарь, – что в данной ситуации автопилот смог бы избежать столкновения. Но Вы его отключили, и в результате человек погиб.

–Сам дурак! – фыркнула женщина, – по сторонам надо было смотреть.

–Это не отменяет Вашей вины. Ваше легкомысленное отношение к нарушению установленных правил стало одним из звеньев цепи, которая привела к аварии.

Женщина снова закатила томные глаза.

–Чего Вы от меня хотите?

–Я хочу, чтобы Вы осознали тот факт, что именно Ваши осознанные действия привели к трагедии. Хочу, чтобы Вы осознали свою вину.

–Ладно, пусть будет по-вашему, – подсудимая устало про-

вела ладонью по лицу, – сколько?

–Вы имеете в виду размер штрафа?

–Естественно! Что же еще?

–Прошу меня извинить, – судья кашлянул, – но человеческая жизнь не из тех вещей, ценность которых можно измерить деньгами.

–Что-то я Вас недопонимаю, – лоб женщины избороздили недовольные морщины, – Вы хотели, чтобы я признала свою вину – я пошла Вам навстречу, хотя и считаю Ваши обвинения притянутыми за уши. Просто не хочу зря тратить время. Я готова понести полагающуюся ответственность. Что теперь-то не так?

–По закону, правонарушения, повлекшие смерть человека, не могут быть искуплены денежным штрафом.

–Да бросьте! С чего это вдруг!?

–Человеческая жизнь бесценна!

В устах судьи эта фраза, должна быть яркой и пафосной, прозвучала скучно и дежурно. Подсудимая иронично изогнула бровь, и чиновник поспешил исправиться, заговорив торопливо и сбивчиво:

–Вы оглянитесь по сторонам – сколько живых людей вы видите в зале? – он обвел рукой небольшое помещение, и женщина последовала за ним взглядом, скользнув по двум робосекретарям и галерее проекций присяжных, после чего вновь вопросительно посмотрела на судью.

–А когда-то судебные слушания собирали полные залы!

Профессия юриста считалась престижной и уважаемой. Но нынче она, как и многие другие, практически изжита, уступив место более расторопным и дисциплинированным железякам. Официанты, горничные, техники – можно перечислить десятки областей, где роботы вытеснили живых людей практически полностью.

–Если честно, я не очень хорошо улавливаю Вашу мысль, – на лице женщины проступило сомнение, – тот бедолага, которого я переехала, был безработным, что ли? Но что это меняет?

–Я не об этом! – судья раздосадовано взмахнул рукой, – беда не в том, что человек не может найти работу, а в том, что, наоборот, невозможно найти человека для работы. Нас, живых людей, осталось очень мало! Наша цивилизация неумолимо движется к своему вымиранию. В этой ситуации потеря даже одной человеческой жизни – невосполнимая потеря для всего общества.

–Общество!?! Я сейчас разрыдаюсь, честное слово! – его оппонентка сделала вид, будто смахивает набежавшую слезу, – этому Вашему *обществу* никогда не было никакого дела до моих забот. Я всего добилась сама, скорее вопреки ему, нежели благодаря. Так с какой стати я теперь должна отдуваться за чужие проблемы?

–Вы можете сколько угодно строить из себя независимую и самостоятельную личность, но, так или иначе, любой человек неразрывно связан с другими людьми и не может су-

ществовать вне социума. Переживаемый нами демографический кризис может привести к разрушению социальных институтов, за которым последует крах всей государственной системы.

–Тоже мне трагедия! Как-нибудь переживу.

Судья вздохнул. Высокий статус часто лишает людей способности смотреть на мир с другой стороны. Привилегированное положение входит в привычку и сама мысль о том, что все может обстоять как-то иначе, даже не приходит в голову. Она просто в ней не помещается.

–Наше ослабевшее общество более не сможет поддерживать тот образ жизни, к которому мы привыкли, – принялся терпеливо объяснять он, – существующая сегодня система безопасности развалится, и тогда ничто не сможет остановить варварские орды, которые только и ждут удобного момента по ту сторону Стены. Придется Вам переключиться на обслуживание немых и нечесаных дикарей. Да Вас, скорее всего, никто и спрашивать не будет.

–И весь нарисованный Вами Апокалипсис случится из-за смерти одного-единственного человека? – несмотря на явную саркастичность вопроса, в глазах подсудимой более не читалось прежней беззаботности. Судья все же сумел пробить брешь в ее самоуверенности.

–Нынешний демографический кризис зашел уже настолько далеко, что любая смерть может оказаться той самой последней соломинкой, которая сломает спину верблюду, – он

сложил руки поверх стопки документов, – и никаким штрафом, увы, человека не воскресить и ситуацию не исправить. Смерть необходимо *компенсировать*.

– У Вас есть персональная эскортесса категории «А»? – курсант аж присвистнул.

– Ну, не то, чтобы прямо уж персональная, – поправился майор, – но я один из ее постоянных клиентов.

– Но такая роскошь, небось, бешеных денег стоит!

– Но оно того стоит! Это тебе не с синтетиками баловаться, совсем другие ощущения. Небо и земля! Кроме того, нам здесь за наши мучения и платят, слава богу, неплохо. Пару раз в месяц вполне можно себе позволить немного удовольствия высшей пробы.

– Увы, ко мне это пока не относится, – мальчуган вздохнул.

– Ничего, будет и на твоей улице праздник, – майор хлопнул его по плечу, – далеко нам еще?

– Судя по сканеру, нужная нам самка прячется аккуратно вот за этим холмом.

– От нас не спрячется, – фургон прибавил ход, карабкаясь на вершину поросшей короткой жесткой травой дюны.

Однако, вскарабкавшись на самый верх, машина вдруг остановилась.

– Вперед еще примерно сто метров, – доложил курсант, уткнувшийся в экран сканера.

–Думаю, мы уже приехали, – проворчал его командир, – разуй глаза, малой.

–Что? – парень встрепенулся и закутил головой по сторонам.

Из постепенно оседающей пыли проступили разбросанные тут и там небольшие холмики, над которыми торчали замысловатые конструкции из скрепленных проволокой или лианами палок. Многие были украшены бусами, амулетами и прочими безделушками, которые негромко позвякивали, раскачиваясь на ветру.

–Приехали, – повторил майор.

–Это что, кладбище?

–Ага. Вылезай, дальше ножками потопаем.

Спустя пару минут они остановились возле относительно свежей могилы, усыпанной уже засохшими цветами и разноцветными камешками. Сканер невозмутимо показывал, что разыскиваемая самка находится прямо перед ними.

–Будем копать? – осведомился курсант, будучи не в курсе полагающихся в таком случае процедур. С некоторой задержкой он осознал, что именно им в таком случае предстоит откопать и его передернуло.

–Да брось ты, зачем!?! – майор повозил пальцем по экрану планшета, – сейчас вычеркнем ее из базы и дело с концом. Баба с возу – кобыле легче, как говорится.

–Совсем молодая еще, – заметил юнец, заглядывая ему через плечо.

–А чему тут удивляться? Медицины-то здесь нет никакой. Ни Интраблока, ни коконов регенерирующих – вот и мрут как мухи, – палец в перчатке в последний раз ткнул в экран, поставив финальную точку в жизненном пути покойной, – зато плодятся как кролики.

Заткнув планшет за пояс, майор с хрустом потянулся и огляделся по сторонам.

–Ну что, малой, нашу миссию здесь можно считать законченной. Пора бы и по домам, – он указал на петлявшую среди дюн дорогу, – чтобы не возвращаться, отгони наш фургон вон в ту лощину, а мы туда пешочком прогуляемся. Понятно?

–Так точно!

–Молодец! Далеко пойдешь! – он снова хлопнул курсанта по плечу, – и мошкару нашу в стойло загоняй.

Они зашагали вперед, спускаясь с холма, и курсант прямо на ходу забарабанил пальцами по планшету, отдавая команды своим стальным напарникам...

Ослепительная вспышка обожгла лицо, и в ноздри ударила смесь запахов озона и раскаленного металла. Только потом, словно немного замешкавшись, подоспел стук короткой автоматной очереди.

–Ложись! – рявкнул майор, и его крик слился с отрывистым мерзким звуком, напоминающим чей-то очень громкий сухой кашель – Немезида открыла ответный огонь.

Курсант неуклюже повалился на землю, уткнувшись кас-

кой в песок, но сквозь пляшущие перед глазами желтые круги он еще успел увидеть, как одинокая фигура человека с автоматом в сотне метров от них буквально взорвалась фейерверком кровавых лохмотьев.

Несколько мучительно долгих секунд ничего не происходило, а потом в наушниках щелкнуло, и бесстрастный женский голос доложил:

– Угроза нейтрализована.

– Спасибо, сестричка, – крикнул майор, поднимаясь на ноги и отряхиваясь от пыли.

– Кто это был? – курсант перекатился на спину, вытащив из-под себя впивавшийся в бок планшет, – почему он в нас стрелял?

– Видимо, какой-то особо ревнивый туземец, не иначе, – его командир умолк, глядя, как парень осторожно ощупывает обожженную щеку, – сильно поджарило?

– Терпимо.

– Но это, согласись, лучше, чем лишняя дырка в черепе. Я же говорю, в этих краях мерами предосторожности пренебрегать нельзя.

Приблизившись к месту, откуда по ним велся огонь, они остановились в нескольких шагах от бесформенной груды, в которой с большим трудом угадывались останки человека. Изорванный и искореженный пулями автомат лежал немного поодаль. Курсант почувствовал, как к горлу у него подступила тошнота и отвернулся.

– Проверять пульс, думаю, необходимости уже нет. А вот ствол надо бы прихватить с собой, – майор обошел истерзанное тело и поднял с земли оружие нападавшего, – пусть потом компетентные органы разбираются, где аборигены его раздобыли.

Забросив автомат за спину, он огляделся. Его внимание привлекла небольшая скособоченная хибара, видневшаяся за кустами в нескольких десятках метров от них.

– Эй, курсант, ты уже всех скаутов домой загнал?

– Еще нет.

– Тогда отправь кого-нибудь обнюхать вон ту лачугу, – майор указал на заинтересовавшую его постройку, – я подозреваю, что наш горе-террорист явился к нам именно отсюда. Надо бы ее осмотреть. Вдруг у него там еще оружие припрятано.

Получив команду, один из дронов отделился от стаи и, промчавшись с гудением у них над головами, начал описывать круги вокруг хибары, выполняя биоскан, и уже через несколько секунд курсант объявил результат:

– Пусто. Никого крупнее крысы не обнаружено.

– Ладно, – несмотря на благоприятный вердикт, майор все равно положил руку на рукоять винтовки, – пойдём, глазками посмотрим.

...и в качестве наказания назначить Компенсацию Смерти, – судья вполне справедливо опасался, что следом за по-

следними словами последует взрыв, и ожидания его не обманули.

– Это что за бред!?! – подсудимая аж вскочила на ноги, – я же Вам сто раз уже объясняла, что такой вариант даже рассматриваться не может! Я же так вообще без работы останусь!

– Вам будет назначено содержание в размере удвоенного дохода за прошлый год, плюс пожизненная пенсия, а также предоставлен дом или другое жилище со всей обслугой в любом месте планеты по Вашему выбору.

– Да плевать мне на ваши щедроты! – изящный кулачок в гневе ударил по столу, – у меня и так студии по всему миру. А если у вас есть лишние бабки, то заплатите их лучше тем шлюхам, что рожают за деньги – больше толку будет!

– За Вашу вину расплачиваться должно Вам, а не кому-то еще.

– Ничего себе расплата! Разве вы не понимаете, что тем самым на корню убиваете мой бизнес?! От меня же все клиенты разбегутся!

– От такого мастера, как Вы, не разбегутся. Один год – не такой уж и большой срок, тем более, если не затягивать, то можно управиться и быстрее.

– Идите к черту!

– А вот ругаться не надо, – судья протянул руку и нажал кнопку на панели перед собой.

Зал заполонила густая, вязкая тишина, которая словно за-

текала в уши и наглухо их запечатывала. Подсудимая еще чертыхнулась пару раз по инерции, но вскоре сообразила, что только беззвучно разевает рот, словно вытащенная из воды рыба, и остановилась. Судья подтянул к себе микрофон.

–Если Вы продолжите упорствовать, я буду вынужден применить силу, хотя мне бы этого крайне не хотелось, – повинуясь его указанию, робопристав выкатился из своей ниши в стене и приблизился к разбушевавшейся женщине, – или Вы уже успокоились?

В ответ его оппонентка выплюнула еще одно, к счастью, неслышимое ругательство, но все же села обратно. Стальной стражник, убедившись, что больше никто не дебоширит, вернулся в свою келью.

–С Вашего позволения, я все же закончу, – судья вновь опустил взгляд на текст приговора, – Вам предоставляется право самостоятельно выбрать естественное или искусственное оплодотворение и, при желании, личность донора. Вы можете выбрать медицинскую компанию, которая будет обеспечивать Ваше сопровождение в течение беременности. Все медицинские расходы оплачиваются государством. При рождении более одного ребенка Ваше финансовое обеспечение умножается пропорционально числу детей. В дальнейшем Вы можете либо воспитывать детей самостоятельно, либо передать их в любой приют по выбору. Приговор окончательный и должен быть исполнен не позднее года с момента вынесения.

Судья поднял и опустил свой ритуальный молоток, после чего отключил систему звукоподавления. В уши снова хлынул непривычно обострившийся шум дня, и было слышно, как подсудимая обреченно пробормотала:

– Вся жизнь насмарку.

– Не убивайтесь так, – судья пожал плечами, – некоторые находят, что быть матерью – это счастье.

– Лучше бы мне руку отрубили, чем такое счастье, – буркнула женщина, ни к кому конкретно не обращаясь.

Получив команду к отступлению, дрон послушно метнулся к фургону, и донесшееся клацанье механизмов сообщило, что он скрылся в его недрах, присоединившись к своим собратьям. Гудение его пропеллеров словно по инерции еще некоторое время звенело в ушах, но вскоре стихло и оно. В наступившей тишине стало слышно и потрескивание раскалившейся на солнце жести и легкий шелест занавески, что закрывала вход в лачугу и шуршание сушащихся пучков каких-то трав.

– Оружие в боевое, – негромко скомандовал майор, – заходим.

Спустя пару секунд он опустил свою винтовку и с легкой тенью разочарования констатировал:

– М-да. Сарай как сарай.

Весь «штурм» занял от силы секунды три. Майор отступил назад, пропуская курсанта, и забросил занавеску на кры-

шу, чтобы внутрь проникало больше света. Теперь можно было и оглядеться.

Собственно, данная майором характеристика была исчерпывающе точной – ни отнять, ни прибавить. Куча разнообразных досок, натасканных бог знает откуда, листы покоробившейся фанеры с еще просматривающимися следами краски, мотки веревки и проволоки, сваленные в углу грязные мотыги и лопаты, коробки и ящики, громоздящиеся штабелями до самого потолка – более типичного интерьера для деревенского сарая и придумать было сложно.

–Какой хозяйственный мужичонка-то был, – хмыкнул майор и ткнул курсанта в бок, – ты тут осмотришь пока, а мне позвонить надо бы.

Он вышел на улицу, а парень осторожно приблизился к заваленному банками и коробками столу. При каждом его шаге строение жалобно дребезжало и скрипело, угрожая обрушиться прямо ему на голову. На небольшом расчищенном от прочего барахла пятачке грязной столешницы осталась лежать распечатанная коробка с патронами. Когда курсант взял ее в руки, истлевший картон разорвался и патроны посыпались на стол. Большую часть он успел поймать, но несколько штук все же упали на пол.

Проклиная себя за неуклюжесть, мальчишка присел на корточки, чтобы собрать латунных беглецов. Однако последний патрон сумел увернуться от потянувшейся за ним руки и провалился в щель между досками. Спустя мгновение

послышался негромкий стук. Курсант застыл, напряженно прислушиваясь. Судя по звуку, патрону определенно было *куда падать*.

Стараясь двигаться как можно осторожней, он осмотрел застеленный выцветшей циновкой пол сарая. Что за ахинея!?! Странно, что это не бросилось в глаза в первый же момент. Кто в здравом уме будет стелить циновку в таком месте? Зачем? Разве только для того, чтобы *спрятать* что-нибудь.

Курсант приподнял край коврика и сразу обратил внимание, насколько тот тяжелый. Разгадка крылась здесь же, на его оборотной стороне, которая вся была прошита мелкой металлической сеткой – самый простой и надежный способ спрятаться от биоскана. Дикари порой обнаруживали удивительную сообразительность.

Под циновкой же обнаружился дощатый люк, достаточно широкий для того, чтобы через него мог пролезть взрослый человек.

Ситуация становилась все более интригующей. Решение о дальнейших действиях следовало бы принимать старшему офицеру, но майор в данный момент общался с кем-то по телефону на повышенных тонах, и разговор, похоже, пока закачиваться не собирался. Курсанта же буквально снедало любопытство. Он помнил слова майора о том, что в здешних краях можно ожидать любых неприятностей, да и обожженная щека еще напоминала о себе, но азарт все же перевесил

осторожность.

Он оттащил коврик в сторону и, одной рукой держа наготове винтовку, другой откинул крышку люка. Из темноты в лицо дохнуло теплым влажным воздухом. В глубине подпола мерцал маленький желтый огонек, который при более пристальном рассмотрении оказался пламенем свечи, которое только оттеняло окружающую темноту. Курсант перехватил винтовку и щелкнул выключателем тактического фонаря...

Ему хватило одного взгляда, чтобы все понять. Фрагменты, выхваченные из мрака снопом белого света, в одно мгновение сложились в цельную картину. Импровизированная кровать из деревянных ящиков, заставленный посудой еще один ящик, выполняющий роль стола, сушащиеся не веревке пеленки и щурящаяся от яркого света худенькая темноволосая девушка, держащая в одной руке детскую бутылочку и прижимавшая к груди ребенка обрубок другой.

Если бы курсант раздумывал немного дольше, то, возможно, он поступил бы иначе, но он сделал то, что сделал. Парень выключил фонарик и приложил палец к губам, после чего осторожно закрыл люк и постелил пыльную циновку обратно.

–Ну как, нашел что-нибудь? – поинтересовался майор, когда курсант выбрался из сарая и подошел к нему.

–Вот, – тот продемонстрировал ему растрепанную коробку с патронами, – больше ничего интересного.

–Ладно, прихвати с собой для отчета, – похоже, его ко-

мандира все это интересовало постольку поскольку, а на самом деле его голову занимали совсем иные заботы, – поехали отсюда.

Всю дорогу до фургона он проделали в молчании, погруженные каждый в свои мысли, и только когда машина тронулась с места и покатила к точке сбора, майора, наконец, прорвало.

–Вернусь домой – кого-нибудь точно прибью, или хотя бы покалечу! – процедил он сквозь стиснутые зубы, – эти адвокатишки только деньги с клиента доить умеют, а реальной пользы от них – ноль! На кой черт они вообще нужны тогда, если от их услуг никакого проку!?

–Что-то не так? – курсант понимал, что его вопрос звучит глупо, но образовавшаяся в разговоре пауза требовала от него хоть какой-то реплики.

–Эти кровопийцы присудили моей девчонке Компенсацию, представляешь!? Это при ее-то профессии! Считай, всю карьеру псу под хвост отправили.

–Компенсацию? То есть...

–То есть она теперь из-за того дебила, что ей под колеса бросился, в порядке наказания должна выносить и родить ребенка. Так сказать, компенсировав тем самым причиненную смерть. Ну не дурдом, а?

–Но это всего девять месяцев, – хмыкнул курсант, – не такой уж и большой срок.

–Плюс еще реабилитация – почти год выходит. А клиенты

– народ капризный, столько ждать не будут, им сервис нужен здесь и сейчас, – майор помотал головой, – нет, я-то, конечно, потерплю, но вот остальные... все придется почти с нуля начинать.

–Если она хороший профессионал, то особых проблем быть не должно, мне кажется.

–Да, но все равно, потерять ни за что ни про что целый год – радости мало. И что бесит больше всего – есть же эти, как их, рожалки, которые за подачки от государства готовы штамповать младенцев как на конвейере. Так в чем вопрос? Можно же было договориться о штрафе, который пошел бы на оплату услуг одной из них, и все были бы довольны. Еще сверху бы накинули. Но нет же! – он возмущенно потряс пальцем в пыльной перчатке, – уперлись как бараны. Ответственность за свои ошибки Вы, мол, должны нести сами. Пусть так, но издеваться-то зачем!?

–Но, быть может, все не так уж и плохо? – у курсанта перед глазами неотрывно стояла девушка, ради детей пожертвовавшая своей рукой, – вполне возможно, что она этого ребенка еще и полюбит...

–Не болтай глупостей! Как можно испытывать какие-то чувства к непрерывно орущему комку протоплазмы, сломавшему тебе жизнь!? Скорее уж я в свою работу влюблюсь, чем это... Горбатишься тут, рискуя задницей, а тебе в благодарность такой вот подарок. Я, получается, теперь за свои кровные не могу получить честно заслуженную порцию *удоволь-*

ствий! Вот спасибо!

–Можно ведь обратиться к другой...

–Да у эскортесс такого уровня заказы на год вперед расписаны! Я свой отпуск еще с осени планировал, – майор в сердцах ударил кулаком по панели, – доберусь до того судьи – его самого кастрирую! Пусть в моей шкуре побывает, моралист чертов! Человеческая жизнь, видите ли, бесценна. Да по эту сторону Стены она и гроша ломаного не стоит!

Он открыл окно и вскинул винтовку к плечу.

–Правильно я говорю, а, тараканы!?! – короткая очередь вспорола воздух над головами работавших в поле крестьян, которые тут же попадали на землю, уткнувшись носами в грязь.

Майор хрипло рассмеялся и сделал еще несколько выстрелов в их сторону, но промахнулся.